

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАЧАЛА В РАННИХ ОЧЕРКАХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Бортников В. И.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3001-840X>

Бортникова А. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8373-754X>

А н н о т а ц и я. В статье анализируются публицистические «вкрапления» в двух ранних очерковых текстах Д. Н. Мамина-Сибиряка – «Сестры» и «На рубеже Азии». Отбор данных произведений для специального изучения осуществлен в опоре на прослеженную динамику авторской номинации «очерк» в творчестве 1880-х – начала 1890-х гг. Основой исследования послужила гипотеза о том, что публицистические вставки в границах художественного повествования можно выделить путем категориального анализа текста произведений. Применение данной лингвотекстовой методики позволило, во-первых, выделить искомые «вкрапления», а во-вторых, описать их содержательную (предметно-тематическую, пространственно-временную, эмоционально-оценочную) и композиционную специфику. Количественный анализ показал значительную разницу как в объеме публицистических вставок («Сестры» – 837 слов, «На рубеже Азии» – 115 слов), так и в их «удельном весе» по отношению ко всему произведению (около 3 % и чуть более 0,4 % соответственно). Показано, что эта динамика снижения в целом объяснима эволюционными механизмами развития малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х гг., а также разной природой сопоставляемых очерков (социальной и автобиографической). Публицистические «вкрапления» в двух выбранных для анализа произведениях имеют и значительные сходства. Так, категория темы на соответствующих участках текста объективируется: «Я» рассказчика перестает встречаться, начинают употребляться безличные конструкции, либо синтаксическим субъектом становится сам завод, его вид и т. д. Хронотоп из точечного, связанного с происходящим «здесь и сейчас», расширяется: в «Сестрах» пространство приобретает общегеографический характер «уральского завода вообще», «На рубеже Азии» характеризуется временной генерализацией. В границах категории тональности нарратив нейтрализуется настолько, насколько это возможно при перволичном повествовании: исчезают эмоционально окрашенные реплики персонажей, сам рассказчик стремится к безоценочному, максимально объективному описанию. Сделанные выводы позволяют проследить динамику таких «вкраплений» в раннем творчестве писателя, показать логику их использования и идентифицируемость категориально-текстовым методом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Мамин-Сибиряк; публицистика; очерки; публицистическая составляющая; текстовые категории; жанровая эволюция; ранние очерки

Д л я ц и т и р о в а н и я: Бортников, В. И. Категориальная идентификация публицистического начала в ранних очерках Д. Н. Мамина-Сибиряка / В. И. Бортников, А. В. Бортникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 54–66. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-05.

CATEGORICAL IDENTIFICATION OF PUBLICISTIC CONSTITUENTS IN D. N. MAMIN-SIBIRYAK'S EARLY ESSAYS

Vladislav I. Bortnikov

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3001-840X>

Alena V. Bortnikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8373-754X>

Abstract. The article studies publicistic “inserts” in two D. N. Mamin-Sibiryak’s early essays – “Sisters” and “At the Border of Asia”. These texts were chosen for special study according to the dynamics of the author’s nomination “essay” in his 1880s – early 1890s works. The research is based on the hypothesis that such “inserts” within the literary narrative can be distinguished with the help of text categories. This method makes it possible, firstly, to identify these places in the text, and secondly, to describe their content-related (subject-thematic, spatio-temporal, emotional-evaluative) and compositional specificity. A quantitative analysis has shown a significant difference both in the length of publicistic “inserts” (“Sisters” – 837 words, “At the Border of Asia” – 115 words) and in their percentage of the whole text volume (about 3 % and about 0,4 % respectively). It is shown that this dynamics of the decline can be generally attributed to D. N. Mamin-Sibiryak’s flash fiction evolution in the 1880s and by the varying nature of the compared essays (social and autobiographical). The publicistic “inserts” in the two works also have significant similarities. The category of the theme in these parts of the text is objectified – the first-person narrator is replaced by impersonal constructions, or the plant itself becomes the syntactical subject of the sentence, etc. From being a particular event happening “here and now”, the chronotope extends itself: in “Sisters”, the space obtains a wide geographic nature of “a Ural plant in general”; “At the Border of Asia” is characterized by temporal generalization. The publicistic “insert” is characterized by a neutral tone as far as it is possible within the first-person narrative: the characters’ emotionally colored words disappear; the narrator strives for a most objective description. The conclusions drawn make it possible to trace the dynamics of such “inserts” in the writer’s early work, to show the logic of their use and identifiability by the text category method.

Keywords: Mamin-Sibiryak; publicism; essays; publicistic constituent; text categories; genre evolution; early essays

For citation: Bortnikov, V. I., Bortnikova, A. V. (2023). Categorical Identification of Publicistic Constituents in D. N. Mamin-Sibiryak’s Early Essays. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 54–66. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-05.

Введение

Путь Д. Н. Мамина-Сибирика в большую литературу начался с увлечения работой газетного репортера. Еще в студенчестве, проведенном в Петербурге (1872–1877), будущий «певец Урала» сотрудничал с газетой «Русский мир», где публиковал отчеты о заседаниях научных обществ и кружков. Тогда же появляются первые художественные опыты, почти не замеченные критикой («Красная шапка», «Русалки», «Тайны зеленого леса» и др.) [История литературы Урала 2021, кн. 2: 1106–1107]. В этих пробах пера – «первом дебюте» еще «не имевшего заявки на собственное литературное имя» Мамина [Щенников 2002: 876] – уже наметилась тенденция молодого писателя к вpletению публицистических элементов в ткань собственных произведений.

Эта тенденция получает развитие в маминском очерковом творчестве, расцвет которого приходится на 1880-е гг. Вернувшийся на Урал (1877), вынужденный прервать учебу по состоянию здоровья Мамин ощущает «необходимость осветить сейчас же некоторые

“злобы дня” и свои уральские проклятые вопросы» [цит. по: Ладейщиков 1947: 3]. Уже в 1881–1882 гг. вышел в свет цикл «От Урала до Москвы», имеющий в «Русских ведомостях» подзаголовок «Путевые заметки». Начиная с 1882 г. публикации устойчиво наделяются авторским жанровым определением *очерк*, ср.: «На рубеже Азии: Очерки захолустного быта» (1882), «Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой» (1883), «Золотуха: Очерки приисковой жизни» (1883), «Старатели: Очерк из уральской жизни» (1883), «Авва: Очерк» (1884), «Блажные: Очерки из уральских нравов» (1885) и др. По данным библиографического указателя «Д. Н. Мамин-Сибиряк. Произведения писателя и литература о нем. 1917–1976. Первые публикации писателя. 1875–1912» (сост. Л. Н. Лигостаева, И. А. Дергачев, Т. Н. Мыслина) [1981], в период 1882–1891 гг. с подзаголовком *очерк* опубликованы 27 произведений Мамина – это второе по частотности жанровое определение после *рассказа* (37 текстов). «Очерком из жизни Среднего Урала» названо, кроме того, и произведение «Сестры», по рукописям

датируемое 1881 г. и не печатавшееся при жизни писателя [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 904].

Обратим внимание на динамику авторских жанровых определений. Если в начале и середине 1880-х гг. обозначение *очерк* обычно содержит распространение в правом контексте (ср. приведенные выше примеры, а также: «Каменнорезная масть. Очерки промышленного Урала», 1885; «Волчий хлеб: Очерки литературной богемы», 1886), то к концу «уральского» периода (в 1891 г. писатель с женой переехали в Петербург) встречается лишь одиночная подзаголовочная номинация *очерк* («Последний день. Очерк», 1887; «Таинственный незнакомец. Очерк», 1888; «Самозвезды. Очерк», 1890; «Платина. Очерк», 1891). В последующие этапы творчества Мамина произведения, определенные им самим как *очерки*, встречаются значительно реже и всегда без контекстуальных распространителей («На большой дороге: Очерк», 1895; «В девятом часу: Очерк», 1897; «Медовые реки: Очерки», 1900 и др.).

Разумеется, определение жанра самим автором может носить спорный характер. В отношении первых маминских «очерков» Г. К. Щенников замечает: «Произведения... „Сестры“, „Все мы хлеб едим“, „На рубеже Азии“, написанные в 1881 году, по структуре и определенным параметрам тяготеют к жанру повести, однако сам писатель называл их очерками – и это не случайно. Такое жанровое определение указывало на достоверность, документальность, подлинность событий, изображенных в них» [Щенников 2002: 890]. Укажем в дополнение к сказанному на факт опубликования перечисленных произведений в разных журнальных и газетных изданиях того времени. Системность словоупотреблений *очерк*, *очерки* в подзаголовках указывает не только на то, что маминское понимание очерка вряд ли расходилось с общепринятым, – иначе редакторы попросту избавлялись бы от подзаголовков либо изменяли бы их. Обозначенная динамика очерков, их расцвет в 1880-е и плавное угасание в 1890-е – 1900-е, говорит об авторском ощущении публицистического начала в собственных

произведениях, намеренном подчеркивании злободневности, актуальности описываемого.

В статье, посвященной очерку в «Литературном энциклопедическом словаре», Г. Н. Поспелов указывает: «Очерк может относиться и к литературе, и к публицистике» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 263]. Сложный сплав художественного и публицистического позволяет говорить о двух началах в данном жанре: «писатель... освещает эти <проблемные> вопросы в картинах жизни, образах людей, т. е. „показывает“, публицист оперирует логическими категориями, или „доказывает“» [Глушков 1966: 12]. Исходя из того, какое из двух начал доминирует, выделяются «очерк по преимуществу художественный» и «очерк по преимуществу публицистический» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 263]. Дополнительные жанровые модификации: «путевой, лирический очерк», «очерк нравов» (иначе – «бытовой очерк»), «портретный очерк», «проблемный очерк» [Глушков 1966: 31–33; Канторович 1962: 137–321]. Н. И. Глушков отмечает также, что «различают очерки еще по одному признаку – социально-тематическому: деревенский, городской („производственный“), военный, этнографический, исторический и т. д.» [Глушков 1966: 33]. Но и базовое разграничение «художественных» и «документальных» очерков в логике Н. И. Глушкова не совпадает с классификацией Г. Н. Поспелова, выделяющего «чисто документальный очерк» в отличие от «публицистического» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 263].

Уже по приведенным классификациям видно их несовпадение, а в отдельных местах и противоречие друг другу. Не задаваясь целью «прогнать» маминские очерки через каждую из них, обратимся к основному жанрообразующему признаку очерка – сплаву художественного и публицистического. Попытаемся показать, каким образом эти два начала интегрируются на уровне целого текста, и тем самым до некоторой степени защитить право маминских «очерков» называться очерками. Для примера возьмем два произведения из 1-го тома последнего «Полного собрания сочинений» Д. Н. Мамин-Сибиряка¹, имеющих в подзаголовке авторское жанровое определе-

¹ Издание незавершенное: на момент написания данной статьи из 20 томов, запланированных авторским коллективом под руководством Г. К. Щенникова, вышло только 5.

ние *очерк / очерки*, – это «Сестры» и «На рубеже Азии».

Для решения данной задачи применим категориально-текстовый метод [Матвеева 2017; Матвеева, Ширинкина 2020]. Т. В. Матвеева определяет текстовую категорию как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [Матвеева 2014: 669]. Категориальная интерпретация позволяет анализировать произведение как целое, выделять на всем его объеме маркеры сюжетобразующих составляющих – например, темы (субъекта и объекта повествования), текстового хронотопа (пространственно-временных условий, в которых протекает действие), тональности (эмоциональности) и др. – и при этом говорить о динамике каждого такого параметра [Itskovich 2014; Бортников 2019]. «Образ и публицистичность» (И. А. Дергачев) [цит. по: Бортникова 2015: 150], т. е. элементы двух функциональных стилей, должны с точки зрения категориальной концепции проявляться в тексте по-разному.

Публицистическое начало в «Сестрах»

Произведение «Сестры» (напомним, самое раннее из определенных Маминым как «очерк») открывается характеристикой Пеньковского завода, куда по сюжету отправляется рассказчик, «чтобы выяснить те новые условия, которые в заводском хозяйстве заменили порядки крепостного права, и затем проследить, как отозвалась в жизни рабочего населения заводов новая пора, наступившая после 19 февраля, какие потребности, нужды и вопросы были выдвинуты ею на первый план и, наконец, какие темные и светлые стороны были созданы реформами последних лет в экономическом положении рабочего люда, в его образе жизни, образовании, потребностях, нравственном и физическом благосостоянии» [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 480]. В этом публицистическом вступлении, занимающем четыре первых абзаца, «Я» рассказчика встречается крайне редко (на 837 слов всего 5 номинаций я, 3 – мне, 1 – меня, 5 – мой), субъектная

тематическая цепочка «исчезает» сразу после первого предложения:

Во время *моей* службы в ...ском земстве меня командировали в Пеньковский завод со специальной целью собрать некоторые материалы по статистике; срок для *моей* поездки не был определен с точностью, и, смотря по обстоятельствам, я мог растянуть его в несколько недель, особенно если бы пожелал для собирания статистического материала к Пеньковскому заводу присоединить все заводы Кайгородова. Эти заводы – числом десять – занимают собой площадь в шестьсот тысяч десятин и принадлежат своему владельцу на посессионном праве... <Курсив наш. – В. Б., А. Б.> [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 479]

Лишь после объемного описания заводов, их функционала (*Обеспечение горючими материалами выдвигает заводы Кайгородова на первый план*) и характеристики проблем управления (*эти слухи... были тесно связаны с какими-то другими злоупотреблениями, безгласно совершавшимися на этих заводах. Судьба этих заводов была вопросом жизни и смерти для населения в пятьдесят тысяч*) в тексте снова, сначала редко, а по мере приближения к основному действию чаще, проявляется «Я» говорящего. Поддерживается уход от перволичного повествования пассивными и безличными конструкциями (*Пеньковский завод был выбран..., ...куда был заброшен Пеньковский завод, для этого нужно было на несколько недель похоронить себя в пыли заводских архивов*), а также замена подлежащего (*Пеньковский завод выглянул, Вид Пеньковского завода был очень красив*). Переход к художественному описанию осуществляется после характеристики завода, данной в публицистическом стиле, незаметно – через введение в текст элементов травелога, т. е. путевых заметок [Созина 2019: 213–214]:

Май месяц стоял в последних числах, следовательно, было самое лучшее время года для поездки в глубь Уральских гор, куда был заброшен Пеньковский завод; от губернского города Прикамска мне предстояло сделать на земских верст двести с лишком по самому плохому из русских трактов – Гороблагодатскому, потому что Уральская горнозаводская железная дорога

тогда еще только строилась – это было в конце семидесятых годов. Через три дня пути, перевалив через Уральские горы, я уже подъезжал на земской паре к месту своего назначения, и Пеньковский завод весело выглянул рядами своих крепких, крытых тесом домиков из-за большой кедровой рощи, стоявшей у самого въезда в завод; присутствие сибирского кедра, как известно, есть самый верный признак глубокого севера и мест «не столь отдаленных», с которых начинается настоящая «немшоная» Сибирь [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 480].

Уже по приведенному фрагменту видна тенденция описываемого Маминим пространства к расширению, обобщению в границах публицистического «вкрапления» [Бортникова 2016: 21] – и, наоборот, к сужению при возвращении нарратора к художественному повествованию. Возникает своего рода «маятник»: сигналы точечного и более широкого географического пространства чередуются (*Уральских гор* → *Пеньковский завод* → *Гороблагодатскому* [тракту] *Уральская горно-заводская железная дорога* → *Уральские горы* → *к месту своего назначения* → *Пеньковский завод* → *рядами... домиков из-за большой кедровой рощи* → *у самого въезда в завод* → *присутствие сибирского кедра* → *глубокого севера* → *мест «не столь отдаленных»* → *Сибирь*), как бы отражая непосредственный ход мысли рассказчика. Повествование по принципу «что вижу, о том пою», свойственное путевому очерку, дополняется, разнообразится публицистическими вставками, попутными замечаниями о ситуации «в целом», «вообще», непосредственным сигналом которых становится расширение пространства.

Отмеченные переходы от художественного к публицистическому и наоборот сопровождаются и временными смещениями. Ср. в цитированном выше фрагменте: *меня командировали в Пеньковский завод, срок не был определен, я мог растянуть его* (художественное вступление) → *эти заводы занимают собой площадь...* (публицистическое «вкрапление»). Происходящее с самим рассказчиком освещается в прошедшем времени; формы же настоящего времени сопровождают пространственное расширение, отмеченное выше. Прошедшее время при этом передает одно-

кратное действие (так называемое «аористическое употребление» [Русская грамматика 1980, т. I: 633]), соответствует одному из событий в повествовательной цепи. В публицистической вставке употребляется так называемое «настоящее постоянное», при котором «не выражается протекание действия в момент речи, хотя и не исключается, что постоянное действие (отношение) действительно и для этого момента» [Там же: 630–631]. Ср.:

После Строгановских заводов заводам Кайгородова на Урале *принадлежит* первое место как по богатству железных и медных руд, так особенно по обилию лесов, в которых другие уральские заводы *начинают* чувствовать самую вопиющую нужду, и, как выразился автор какого-то проекта по вопросу о снабжении заводов горючим материалом, для них единственная надежда *остается* в «уловлении газов», точно такое «уловление» *может* заменить собою ту поистине безумную систему хищнического истребления лесов, какую заводчики практиковали на Урале в течение двух веков. Обеспечение горючими материалами *выдвигает* заводы Кайгородова на первый план, хотя уже начинали ходить упорные слухи, что лесное хозяйство в этих заводах сильно пошатнулось за последние годы благодаря какой-то кучке немцев, стоявшей во главе управления; эти слухи продолжали упорно держаться, тем более что они были тесно связаны с какими-то другими злоупотреблениями, безгласно совершавшимися на этих заводах [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 479–480].

Нетрудно заметить, что и в публицистическом «вкраплении» временной план настоящего неоднороден: он то и дело перемежается с планом прошлого. В основном прошедшее время используется для отсылки к тенденциям минувших лет – минувших давно (*практиковали... в течение двух веков*) или недавно (*пошатнулось за последние годы*). Актуальность описываемого при этом не теряется. Делая как бы попутное отступление, Мамин привлекает внимание читателя к проблемам современности, отчасти представляющим собой следствие того, что происходило на Урале ранее (*хищническое истребление лесов*), а отчасти возникающим и в описываемый период (ср. фазовые глаголы со значением ‘недавнего

прошлого': *начинали ходить, продолжали держаться*). Отметим и одно употребление прошедшего времени при характерно публицистической отсылке: *как выразился автор какого-то проекта по вопросу о снабжении заводов горючим материалом*.

Злободневность описания не предполагает прямых обвинений. Мамин уходит от них с помощью неопределенных местоимений: *хозяйство... пошатнулось... благодаря какой-то кучке немцев; они были тесно связаны с какими-то другими злоупотреблениями* (ср. также приведенное выше *автор какого-то проекта*). Автор не ставит целью уличить конкретных людей в конкретных злодеяниях, ведь прочесть очерк могли и прототипы персонажей. Проявляется установка на «близкую, доверительную дистанцию общения между автором и адресатом» [Купина, Матвеева 2019: 263]. Как показывают специальные исследования [Ян 2020; Чэн 2020], эта установка свойственна публицистической тональности в целом и очерковой в частности.

Завершим наши наблюдения над вступлением к очерку «Сестры» рассмотрением обратного перехода – от публицистического к художественному. Помимо уже упомянутого «возвращения» в текст субъектной цепочки «Я», этот переход характеризуется включением числительных, а также полным отсутствием форм настоящего времени, хотя план прошлого маркируется глаголами несовершенного вида:

Судьба этих заводов *была* вопросом жизни и смерти для населения в пятьдесят тысяч, а в мире промышленности *выражалась* громкой цифрой производительности в два с половиной миллиона пудов чугуна, стали, железа и меди; для земства заводы Кайгородова имели громадную важность, потому что *доставляли* ежегодно земских сборов до сорока тысяч рублей, что в бюджете ...ского земства *составляло* очень заметную величину. Цель моей командировки *заклучалась* главным образом в том, чтобы выяснить те новые условия, которые в заводском хозяйстве заменили порядки крепостного права... [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 480]

Любопытно, что с появлением «Я»-темы несовершенный вид глаголов сменяется совершенным (*выяснить, заменили*), т. е. «имперфективное» употребление прошедшего времени вновь заменяется «аористическим». Ссылаясь на В. В. Виноградова, Т. В. Жеребило

[2009: 37] указывает, что эти два употребления – основные функции видо-временных форм глагола, обеспечивающие грамматические межфразовые связи в тексте.

Если выделенные выше публицистические вкрапления в первых четырех (напомним, весьма обширных – 837 слов, что составляет около 2,5 % от текстового объема всего очерка – 34207 слов) абзацах очерка «Сестры» идентифицируются достаточно четко, то в дальнейшем повествовании «сплав» двух функциональных стилей оказывается настолько сильным, что однозначно разграничить художественное и публицистическое не представляется возможным. Рассмотрим фрагмент, позднее перенесенный писателем в роман «Горное гнездо» и потому особо отмеченный в кандидатской диссертации Н. А. Кунгурцевой:

Скоро в глубине фабрики показался яркий свет, который быстро приближался; это оказалась рельсовая болванка, имевшая форму вяземского пряника и состоявшая из нескольких отдельных, «сваренных» между собой пластинок. Нагнувшийся рабочий быстро катил высокую железную тележку, на платформах которой лежал раскаленный кусок железа, осветивший всю фабрику ослепительным светом; другой рабочий поднял около нас какой-то шест, тяжело загудела вода, и с глухим ропотом грузно повернулось водяное колесо, заставив вздрогнуть всю фабрику и повернуть валы катальной машины. Сначала можно было различить движение этих валов, но потом все слилось в мутную полосу, вертевшуюся с поразительной быстротой и тем особенным напряженным постукиванием, точно вот-вот, еще один поворот водяного колеса, двигавшегося за деревянной перегородкой, как какое-то чудовище, и вся эта масса вертящегося чугуна, стали и железа разлетится вдребезги. Двое рабочих в кожаных передниках, с тяжелыми железными клещами в руках, встали на противоположных концах катальной машины, тележка с болванкой подкатилась, и вяземский пряник, точно сам собой, нырнул в ближайшее, самое большое между катальными валами отверстие и вылез из-под валов длинной полосой, которая гнулась под собственной тяжестью; рабочие ловко подхватывали эту красную, все удлиняющуюся полосу железа, и

она, как игрушка, мелькала в их руках, так что не хотелось верить, что эта игрушка весила двенадцать пудов и что в десяти шагах от нее сильно жгло и палило лицо.

В отличие от вступления к очерку здесь рассказчик присутствует непосредственно рядом с происходящим: по сюжету университетский товарищ Мухоедов, работающий на фабрике и что-то *записывающий в свою записную книжку*, показывает тому *огненную работу* и далее приглашает его посмотреть *по порядку наше стекло*. Точка зрения «включенного» в рассказ говорящего, таким образом, приближает повествование к художественному. Категориальный анализ показывает, однако, что выделенный фрагмент стилистически неоднороден. Важнейшими публицистическими особенностями в нем следует признать полное отсутствие субъектной «Я»-темы (ср.: *около нас, т. е. всех, кто смотрел на происходящее*), а также объективацию и нейтрализацию описания, в целом характерные для экспертного наблюдения в журналистском тексте [Калганова 2018: 29]. Точечность пространства и моментальность времени, в целом нехарактерные, как мы видели выше, для маминских публицистических вкраплений, в данном случае могут интерпретироваться как «репортажный нарратив» [Власова 2021: 184], приближающий – несмотря на план прошлого – происходящее к моменту речи (укажем попутно на сочетание «имперфективных»: *приближался, гнулась, подхватывали* – и «аористических» употреблений прошедшего времени: *показался, подкатилась, нырнул*). Тональность описания, хотя и тяготеющая к нейтральной, сохраняет следы субъективного восприятия происходящего рассказчиком, ср.: *точно вот-вот, еще один поворот водяного колеса, двигавшегося за деревянной перегородкой, как какое-то чудовище, и вся эта масса вертящегося чузуна, стали и железа разлетится вдребезги* (выделенные полужирным курсивом участки – «сравнение внутри сравнения», художественное внутри публицистического).

Н. А. Кунгурцева справедливо замечает, в частности, в отношении процитированного фрагмента: «Урал для современного Мамину читателя был terra incognita, и писатель учитывал это незнание материала его про-

изведений своими современниками, его рецептивная установка проявляется в текстах неоднократно, она и диктует своего рода репрезентационные вступления в текстах, знакомящие читателя с неведомым уголком земли (например, история освоения Урала в «Красной шапке», описание процесса добычи золота в «Старике», знакомство с технологическим процессом обката металла в «Сестрах» и т. д.)» [Кунгурцева 2009: 155]. Воспользуемся терминологическим обозначением **репрезентационное вступление** для характеристики публицистического вкрапления в следующем по хронологии очерковом произведении – «На рубеже Азии».

Публицистическое начало в произведении «На рубеже Азии»

Выше уже отмечен авторский подзаголовок к этому тексту: «Очерки захолустного быта». Помимо рассмотренных выше «Сестер», это единственный очерковый текст, написанный в 1881 г. и имеющий соответствующее авторское обозначение (Г. К. Щенников, напомним, включал в этот ряд еще «Все мы хлеб едим», однако авторский подзаголовок к этому произведению такой: «из жизни на Урале»). В отличие от «Сестер», не увидевших свет при жизни писателя, «На рубеже Азии» было опубликовано в журнале «Устой» (1882, № 4–5) [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 906–907]. Публикация состоялась во многом благодаря А. М. Скабичевскому, который называл это произведение «повестью» [Скабичевский 2001: 383]. Поддерживает это жанровое определение и Г. К. Щенников [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 908] – с оговоркой, уже цитированной выше, о «тяготении» к жанру повести «по структуре и определенным параметрам» [Там же: 890]. Для данной статьи (в рамках сопоставления с «Сестрами») принципиальным является все же авторское жанровое обозначение, поэтому при анализе публицистического начала будем опираться на очерковую природу произведения «На рубеже Азии».

Как отмечает Е. К. Созина, центральная линия повествования – автобиографическая. «Процесс взросления и познания жизни героем... как в матрешку оказывается вложенным в «очерки захолустного быта» – в изображение портретов лиц и социальных групп» [Созина

2013: 131]. Вполне логично, что публицистическому вкраплению в середине очерка (как в «Сестрах») места не находится, а вот репрезентационное вступление, аналогичное рассмотренному выше произведению, присутствует и здесь:

Наш домик выходил на небольшую четырехугольную площадь, упиравшуюся в заводской пруд; на берегу пруда стояла небольшая деревянная церковь, очень ветхая и когда-то очень давно выкрашенная сиреневой краской. Направо от церкви тянулась заводская плотина, под ней чернела фабрика, а за прудом белел каменный господский домик, в котором жил заводский управитель, француз Кабо; налево от церкви стояло несколько деревянных лавчонок, и сейчас за ними, на небольшом возвышении, красовалось «Пеньковское волостное правление» – большой новый пятистенный деревянный дом с ярко-зелеными ставнями. Завод Таракановка заброшен в самую глубину Уральских гор; расположен он на месте слияния трех небольших горных речек, из которых река Таракановка была самая большая и образовала небольшой заводский пруд, со всех сторон обложенный пестрой рамой заводских домиков. Если смотреть на Таракановку с высоты птичьего полета, она представлялась глубокой горной котловиной, окруженной со всех сторон невысокими лесистыми горками; люди заезжие находили ее очень некрасивым заводом и даже называли вороньим гнездом, но я никогда не мог объяснить себе подобного заблуждения и всегда считал Таракановку самым живописнейшим местом на свете. Самое замечательное в Таракановке было то, что во всем заводе не было ни одной точки, с которой не было бы видно леса и недалеких гор; крайние домики стояли наполовину в лесу или отделялись от него небольшими «кулигами», так что, куда ни посмотри – везде лес, настоящий сибирский лес, полный для меня неизъяснимой прелести [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 631–632].

Так начинается глава II «очерков захолустного быта». Публицистическое «вкрапление», связанное с заводом Таракановка, «отодвинуто» в глубину повествования по сравнению с «Сестрами», где поездка *в глубину Уральских гор, куда был заброшен Пеньковский завод*, происхо-

дит уже в третьем абзаце первой главы (отметим параллелизм: *Завод Таракановка заброшен в самую глубину Уральских гор*). Вся глава I «На рубеже Азии» посвящена детству Кира Обонполова, описанию обстановки его дома, семейного уклада. Отец главного героя – *священник в одном из уральских горных заводов, на самом плохом месте, какое только было во всей...ской губернии*. С отличием окончивший семинарию, он получил место в Махневском заводе, но из-за ссоры с Амфилохием Лядвиевым, консисторским секретарем, бывшим товарищем по семинарии, был переведен *из очень богатого прихода в самый бедный*. Описание бедности, переходящей в нищету, составляет важнейшую сторону автобиографического повествования, это как бы отправная точка в истории взросления главного героя, поэтому публицистические «вкрапления» оказываются оттеснены на второй план.

Одним из первых таких «вкраплений» (если не считать отмеченных выше «заводских» вставок в главе I) становится уже приведенное выше указание на местоположение завода Таракановка. Отметим публицистическое настоящее с пропущенной связкой есть: *Завод Таракановка заброшен в самую глубину Уральских гор; расположен он на месте слияния трех небольших горных речек...* Далее, в отличие от «Сестер», следует вновь план прошлого: *река Таракановка была самая большая и образовала; она представлялась; люди заезжие находили* и т. д. – как следствие, описание вновь становится художественным. Если в «Сестрах» за упоминанием *заброшенного в глубину Уральских гор завода* следовало разворачивание публицистического «вкрапления»: в форме настоящего времени говорилось о Кайгородовских заводах, а о хищениях на них повествовалось как о «недавнем прошлом», – то здесь прошедшее время воспринимается как постоянное: *я никогда не мог объяснить, я всегда считал*. Соответственно, и субъектная «Я»-тема не исчезает из текста, а, сохраняясь, поддерживает художественность описания.

Различными в двух анализируемых произведениях оказываются и механизмы перехода к публицистической вставке. Отчасти это обусловлено сюжетом: в «Сестрах» рассказчик – собиратель статистики, и к объемному описанию заводов Кайгорода и ситуации

на них он переходит сразу после указания на свою командировку в *Пеньковский завод*. В «На рубеже Азии» же говорящий смотрит на Таракановку детскими глазами, репродуцирует собственное ее восприятие таким, каким оно было в прошлом. Вполне логично поэтому не сразу давать публицистическую характеристику обстановки на заводах, а перейти к некоторому «вкраплению» уже после художественного описания. Именно так и поступает Мамин, рассказывая в следующем абзаце историю Таракановского завода:

Основан Таракановский завод очень давно, лет полтора назад, на месте небольшого раскольничьего поселка; раскольники, беглые из Сибири и разный иной сброд давно оценили р. Таракановку с ее дремучими лесами и свили здесь теплое гнездо; но один из русских промышленников «приглядел» это местечко под завод, выпросил его себе у правительства и выстроил фабрику. Первый владелец Таракановки, какой-то Коробейников, основал еще несколько заводов на Урале, а затем умер; его наследники поделили заводы между собой, и в конце концов Таракановка очутилась во владении графини Х. Сама графиня никогда не бывала на своем заводе, все дело вершили разные управители, управляющие и доверенные; последний из них, француз Кабо, пользовался плохой популярностью и больше всего заботился только о дивидендах своей доверительницы [Мамин-Сибиряк 2002, т. 1: 631–632].

И вновь обнаруживаются некоторые сходства с «Сестрами», где Кайгородов тоже *сам никогда не жил в своих заводах и даже едва ли бывал в них, а во главе управления стояла какая-то кучка немцев* (в «На рубеже Азии» – один француз). В обоих очерковых текстах упоминается *Сибирь*, причем в каждом из них по два раза: сначала через производное прилагательное, затем через прямую номинацию. Ср.:

Категориальный анализ текста «На рубеже Азии» показывает аналогичное «Сестрам» полное исчезновение «Я»-темы в публицистической вставке. Тональная объективация, нейтрализация реализуются благодаря историческому обобщению; в границах хронопа

генерализуется, таким образом, не пространство, а время. Нейтральность повествования при этом нарушается быстрее, чем в предыдущем очерке, за счет перехода к французу

«Сестры»

...присутствие сибирского кедра, как известно, есть самый верный признак глубокого севера и мест «не столь отдаленных», с которых начинается настоящая «немшиная» Сибирь.

«На рубеже Азии»

куда ни посмотри – везде лес, настоящий сибирский лес, полный для меня неизъяснимой прелести. <...> раскольники, беглые из Сибири и разный иной сброд давно оценили р. Таракановку...

Кабо и к его отношениям с рабочими, *которые называли его «наш Кобель»*, а далее и с отцом рассказчика, *отзывавшемся о нем с величайшим презрением*. Как и в очерке «Сестры», возвращение субъектной «Я»-темы (*мой, моего*) указывает на завершение «вкрапления», на продолжение художественного повествования.

«Исторический» формат публицистической вставки в данном произведении, однако, отличается от предыдущего очерка, где аналогичное «вкрапление» правильнее было бы называть «статистическим», хотя оно и содержит исторические элементы (вспомним хотя бы *хищническое истребление лесов, практиковавшееся в течение двух веков*). Отличным представляется, соответственно, и временной план прошлого, в котором дан приведенный фрагмент – на настоящее время указывает лишь самое первое сказуемое *основан*, вновь с пропущенной связкой *есть*. «Репертуар» видовых употреблений прошедшего времени можно охарактеризовать на этот раз переходом от количественно преобладающих «аористических», однократных, наблюдаемых у глаголов совершенного вида (*оценил, приглядел, выпросил, выстроил*), к «имперфективным», отмеченным у глаголов несовершенного вида (*не бывала, вершили, пользовался, заботился*). Любопытно, что, хотя переход получился обратный, как бы зеркальный по сравнению с «Сестрами», он указывает на то, что публицистическое отклонение от основного повествования близится

к концу, начинает «переплавляться» с художественной составляющей.

Как и *Пеньковский завод* в «Сестрах», *Таракановский завод* в «На рубеже Азии» являет собой обобщенный образ уральского провинциального поселения. Точечное пространство здесь не расширяется до множества заводов: по сюжету графине Х. принадлежит только Таракановка, в то время как Кайгородов владел многими заводами. Другие средства типизации обстановки в сопоставляемых очерковых произведениях весьма схожи: описание всеобщей бедности, захудалости, пьянства; злословие, сплетни в поселении, где все про всех знают абсолютно всё, «утверждение... “местного колорита”» [Зырянов 2015: 83] и т. д. Грамматически обобщенность поддерживается тем же местоимением какой-то, в единичном употреблении зафиксированным и в публицистической вставке (*какой-то Коробейников*).

В целом исследуемое иностилевое «вкрапление» по объему меньше, чем в первом очерке (115 слов, т. е. более чем в 7 раз), при том что оба произведения отличаются не так значительно («Сестры» – 34207 слов, «На рубеже Азии» – 27765 слов). Отсутствуют во втором очерке и разностилевые эпизоды, аналогичные прокатке рельса в «Сестрах», где публицистическое, как мы видели выше, неотделимо от художественного. Объясняется такая разница («Сестры» – около 3 % от общего объема текста, «На рубеже Азии» – чуть более 0,4 %) в первую очередь спецификой социального и (авто)биографического очерка, несовпадением авторской интенции в каждой из этих жанровых разновидностей: в «Сестрах» это стремление показать «острый социальный конфликт, борьбу “народных заступников” против заводских обирал» [Щенников 2007: 984], в «На рубеже Азии» – «борьбу индивидуального самосознания с социально-сословными чувствами, выражающими давление среды, и начало осознания их в своей душе» [Созина 2013: 133]. Объединяет анализируемые очерки, помимо уже отмеченных сюжетных пересечений, перволичная форма повествования – «Я» рассказчика, включенное в происходящее «здесь и сейчас» («Сестры») или в события двадцатилетней давности («На рубеже Азии»).

Выводы

Категориальная интерпретация двух выбранных для анализа очерков – первых в творчестве Мамина с подзаголовком *Очерк / Очерки* – позволила выделить публицистические «вкрапления» в границах художественного повествования. Соответствующие участки текста характеризуются полным отсутствием «Я»-темы; пространственным и/или временным расширением; тональной нейтрализацией, объективацией, не идущей вразрез с субъективной манерой повествования, присутствием рассказчика. Грамматически названные черты поддерживаются добавлением числительных (статистических данных), неопределенных местоимений (*какой-то*), менами «имперфективного» и «аористического» прошедшего времени в глаголах. Перечисленные особенности определяют сходство публицистических вставок в «Сестрах» и «На рубеже Азии», поддерживаемое и некоторыми сюжетными пересечениями: двумя заброшенными *в глубь Уральских гор* заводами, полным отсутствием владельца на этих заводах, упоминаниями Сибири.

Различие двух сопоставляемых очерков определяется в анализируемом аспекте прежде всего длиной публицистических «вкраплений» (837 и 115 слов), их «удельным весом» по отношению к объему целого произведения (около 3 % и чуть более 0,4 % соответственно). Динамика сокращения «публицистического начала» сохранится в очерках середины 1880-х гг. («Авва», «Блажные»), однако изменится к концу десятилетия. Особенно заметно это изменение будет в очерках «Самоцветы» (1890) и «Платина» (1891), где публицистическое и художественное как бы поменяются местами: сюжет приезда рассказчика на завод будет лишь своего рода «рамкой» для описания промыслов. Художественное начало до известной степени сместится в творчестве Мамина на жанр повести, где произойдет «углубление типов конфликта, которые заданы рассказом и очерком» [Зырянов 2019: 110]. Публицистика же «певца Урала» конца 1880-х – начала 1890-х гг. требует отдельного изучения, в т. ч. категориально-текстовыми методами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бортников, В. И. Форма повествования в цикле А. И. Солженицына «Крохотки» как авторский способ оценки «советскости» / В. И. Бортников // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 1 (184). – С. 70–86.
- Бортникова, А. В. Публицистика Д. Н. Мамина-Сибиряка / А. В. Бортникова // V Информационная школа молодого ученого: сб. науч. тр. / отв. ред. П. П. Трескова. – Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2015. – С. 150–157.
- Бортникова, А. В. Жанры малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка 1880-х гг. (поэтика повествования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бортникова А. В. – Екатеринбург, 2016. – 22 с.
- Власова, Е. Г. Нарративизация пространства в первых путеводителях по Уралу / Е. Г. Власова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 175–188.
- Глушков, Н. И. Очерк в русской литературе / Н. И. Глушков. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1966. – 76 с.
- Д. Н. Мамин-Сибиряк : библиографический указатель / сост. Л. Н. Лигостаева ; сост. списка первых публ. И. А. Дергачев, Т. Н. Мыслина ; науч. ред. И. А. Дергачев. – Свердловск : [б. и.], 1981. – 181 с.
- Жеребило, Т. В. Фрагмент словаря лингвистических терминов / Т. В. Жеребило // Рефлексия. – 2009. – № 3. – С. 32–66.
- Зырянов, О. В. На перекрестке национально-культурных традиций: русский человек в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 83–97.
- Зырянов, О. В. Сюжет духовно-нравственного преображения в повестях Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 2 (187). – С. 108–121.
- История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. Кн. 2 / под ред. проф. Е. К. Созиной. – 2-е изд. – М. : Языки славянских культур, 2021. – 776 с.
- Калганова, С. О. Практики конструирования субъектной позиции эксперта в российском журналистском дискурсе / С. О. Калганова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24, № 1 (171). – С. 16–31.
- Канторович, В. Заметки писателя о современном очерке / В. Канторович. – М. : Сов. писатель, 1962. – 372 с.
- Кунгурцева, Н. А. Типология пространства в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка (1875–1882) : дис. ... канд. филол. наук / Кунгурцева Н. А. – Екатеринбург, 2009. – 170 с.
- Купина, Н. А. Стилистика современного русского языка / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – М. : Юрайт, 2019. – 415 с.
- Ладейщиков, А. Публицистические очерки Мамина-Сибиряка / А. Ладейщиков // Мамин-Сибиряк Д. Н. Статьи и очерки. – Свердловск : ОГИЗ, 1947. – С. 3–10.
- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 1. Художественные произведения 1875–1882 гг. / Д. Н. Мамин-Сибиряк ; под общ. ред. Г. К. Щенникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – 912 с.
- Матвеева, Т. В. Текстовая категория / Т. В. Матвеева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 669–671.
- Матвеева, Т. В. Измерить энергию текста / Т. В. Матвеева // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 3. – С. 838–850.
- Матвеева, Т. В. Переписка граждан с исполнительной властью: коррелятивный текстовый анализ / Т. В. Матвеева, М. А. Ширипкина // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 1. – С. 190–202.
- Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
- Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания / А. М. Скабичевский. – М. : Аграф, 2001. – 431 с.
- Созина, Е. К. Автобиографическая проза 1880–1890-х гг.: проблема эволюции // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. О. В. Зырянова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. – С. 129–146.
- Созина, Е. К. Степные клады Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова / Е. К. Созина // Имагология и компаративистика. – 2019. – № 11. – С. 213–229.
- Чэн, Ц. Категория тональности в жанре очерка (на материале очерков В. М. Пескова) / Ц. Чэн // Филология: научные исследования. – 2020. – № 11. – С. 32–40.
- Щенников, Г. К. Литературные дебюты Д. Н. Мамина / Г. К. Щенников // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 1. Художественные произведения 1875–1882 гг. / под общ. ред. Г. К. Щенникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – С. 876–896.
- Щенников, Г. К. Примечания / Г. К. Щенников // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений : в 20 т. Т. 3. Горное гнездо. Дикое счастье. Повести, рассказы и очерки 1883–1884 гг. / под общ. ред. Г. К. Щенникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. – С. 976–986.
- Ян, Ц. Публицистическая статья: жанрово-стилистические характеристики / Ц. Ян // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2020. – № 4. – С. 70–72.
- Itskovich, T. V. The Composition of the Lives of Passion-Bearers / T. V. Itskovich // В мире научных открытий. – 2014. – № 9–2 (57). – С. 760–784.

REFERENCES

- Bortnikov, V. I. (2019). Forma povestvovaniya v tsikle A. I. Solzhenitsyna «Krokhutki» kak avtorskii sposob otsenki «sovetskosti» [Forms of Narration in Aleksandr Solzhenitsyn's Miniatures as the Author's Way to Evaluate Soviet Reality]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 1 (184), pp. 70–86.
- Bortnikova, A. V. (2015). Publitsistika D. N. Mamina-Sibiriyaka [D. N. Mamin-Sibiriyak's Publicistics]. In Treskova, P. P. (Ed.). *V Informatsionnaya shkola mladogo uchenogo: sb. nauch. tr. Ekaterinburg, UMTs UPI*, pp. 150–157.
- Bortnikova, A. V. (2016). Zhanry maloi prozy D. N. Mamina-Sibiriyaka 1880-kh gg. (poetika povestvovaniya) [Genres of D. N. Mamin-Sibiriyak's 1880s Flash Fiction: Poetics of Narration]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 22 p.
- Cheng, J. (2020). Kategoriya tonal'nosti v zhanre ocherka (na materiale ocherkov V. M. Peskova) [Category of Tonality in the Genre of Essay (on the Example of Essays of V. M. Peskov)]. In *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 11, pp. 32–40.
- Dergachev, I. A. (Ed.). (1981). *D. N. Mamin-Sibiriyak: bibliograficheskii ukazatel'* [D. N. Mamin-Sibiriyak: Bibliographic Index]. Sverdlovsk. 181 p.
- Glushkov, N. I. (1966). *Ocherk v russkoi literature* [Essay in Russian Literature]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 76 p.
- Itskovich, T. V. (2014). The Composition of the Lives of Passion-Bearers. In *V mire nauchnykh otkrytii*. No. 9–2 (57), pp. 760–784.
- Kalganova, S. O. (2018). Praktiki konstruirovaniya sub»ektnoi pozitsii eksperta v rossiiskom zhurnalistskom diskurse [Practices of Constructing the Expert's Subject Position in the Russian Journalistic Discourse]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 24. No. 1 (171), pp. 16–31.
- Kantorovich, V. (1962). Zametki pisatelya o sovremennom ocherke [The Writer's Notes on the Modern Essay]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 372 p.
- Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (Eds.). (1987). *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literature Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 752 p.
- Kungurtseva, N. A. (2009). Tipologiya prostranstva v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka (1875–1882) [A Typology of Space in D. N. Mamin-Sibiriyak's Early Works (1875–1882)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 170 p.
- Kupina, N. A., Matveeva T. V. (2019). Stilistika sovremennogo russkogo yazyka [Stylistics of the Modern Russian Language]. Moscow, Yurait. 415 p.
- Ladeyshchikov, A. (1947). Publitsisticheskie ocherki Mamina-Sibiriyaka [The Publicistic Essays by D. N. Mamin-Sibiriyak]. In *Mamin-Sibiriyak D. N. Stat'i i ocherki*. Sverdlovsk, OGIZ, pp. 3–10.
- Mamin-Sibiriyak, D. N. (2002). *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* [The Complete Works, in 20 vols.]. Vol. 1. *Khudozhestvennye proizvedeniya 1875–1882 gg.* Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 912 p.
- Matveeva, T. V. (2014). Tekstovaya kategoriya [Text Category]. In Skovorodnikov, A. P. (Ed.). *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slovar'-spravochnik*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet, pp. 669–671.
- Matveeva, T. V. (2017). Izmerit' energiyu teksta [Measuring the Energy of a Text]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 3, pp. 838–850.
- Matveeva, T. V., Shirinkina, M. A. (2020). Perepiska grazhdan s ispolnitel'noi vlast'yu: korrelyativnyi tekstovoi analiz [Correspondence between Citizens and Executive Power: Correlative Text Analysis]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 1, pp. 190–202.
- Shchennikov, G. K. (2002). *Literaturnye debyuty D. N. Mamina* [Literary Debuts of D. N. Mamin]. In Shchennikov, G. K. (Ed.). *Mamin-Sibiriyak D. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* Vol. 1. *Khudozhestvennye proizvedeniya 1875–1882 gg.* Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 876–896.
- Shchennikov, G. K. (2007). *Primechaniya* [Notes]. In Shchennikov, G. K. (Ed.). *Mamin-Sibiriyak D. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 20 t.* Vol. 3. *Gornoe gnezdo. Dikoe schast'e. Povesti, rasskazy i ocherki 1883–1884 gg.* Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 976–986.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar, in 2 vols.]. Vol. 1. *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. Moscow, Nauka. 784 p.
- Skabichevskii, A. M. (2001). *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memories]. Moscow, Agraf. 431 p.
- Sozina, E. K. (2013). Avtobiograficheskaya proza 1880–1890-kh gg.: problema evolyutsii [The 1880s – 1890s Autobiographical Prose: The Problem of Evolution]. In Zyryanov, O. V. (Ed.). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiriyaka: itogi i perspektivy izucheniya*. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 129–146.
- Sozina, E. K. (2019). Stepnye klady D. N. Mamina-Sibiriyaka i A. P. Chekhova [Steppe Treasures by D. N. Mamin-Sibiriyak and A. P. Chekhov]. In *Imagologiya i komparativistika*. No. 11, pp. 213–229.
- Sozina, E. K. (Ed.). (2021). *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [A History of Ural Literature. 19th Century, in 2 books]. Book 2. 2nd edition. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 776 p.
- Vlasova, E. G. (2021). Narrativizatsiya prostranstva v pervykh putevoditelyakh po Uralu [Space Narrativisation in the First Travel Guides around the Urals]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 23. No. 2, pp. 175–188.
- Yang, J. (2020). Publitsisticheskaya stat'ya: zhanrovo-stilisticheskie kharakteristiki [Publicistic Article: Genre and Stylistic Features]. In *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom*. No. 4, pp. 70–72.
- Zherebilo, T. V. (2009). Fragment slovarya lingvisticheskikh terminov [A Fragment of a Dictionary of Linguistic Terms]. In *Refleksiya*. No. 3, pp. 32–66.
- Zyryanov, O. V. (2015). Na perekrestke natsional'no-kul'turnykh traditsii: russkii chelovek v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiriyaka [At the Crossroads of National Cultural Traditions: Russian People in D. N. Mamin-Sibiriyak's Creative Work]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. No. 3 (142), pp. 83–97.

Zyryanov, O. V. (2019). Syuzhet dukhovno-nravstvennogo preobrazheniya v povestyakh D. N. Mamina-Sibiryaka [The Plot of Spiritual and Moral Transformation in D. N. Mamin-Sibiriyak's Stories]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 21. No. 2 (187), pp. 108–121.

Zyryanov, O. V. (Ed.). (2013). *Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy izucheniya* [Artistic Heritage of Dmitry Mamin-Sibiriyak: Results and Prospects of Research]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 480 p.

Данные об авторах

Бортников Владислав Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: octahedron31079@mail.ru.

Бортникова Алена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: le_name@mail.ru.

Дата поступления: 13.11.2022; дата публикации: 30.03.2023

Author's information

Bortnikov Vladislav Igorevich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Bortnikova Alena Valeryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 13.11.2022; date of publication: 30.03.2023